№ 5 (174). С. 56–64 **Отечественная история** **2018**
УДК 94(4’70)“18”
DOI: 10.15393/uchz.art.2018.169

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ev.kamenev@yandex.ru

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ЕГОРОВ
кандидат исторических наук, преподаватель истории ГАПОУ РК «Петрозаводский техникум городского хозяйства» (Петрозаводск, Российская Федерация)
akegorov@yandex.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ПРОТЕСТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена выявлению мировоззренческих оснований политического протеста в России первой половины XIX века. Рассмотрены две социальные группы, находившиеся на разных полюсах социального пространства России, – дворяне-декабристы и крестьяне-«бунтовщики». Выбор обусловлен тем, что эти две группы были объединены высоким градусом протестных настроений. Анализ мировоззренческой основы русского протеста показал существование у дворян-декабристов и крестьян-«бунтовщиков» двух принципиально разных типов протестных настроений. В одном случае предполагался активный, преобразующий окружающую политическую реальность субъект, руководствующийся в своих действиях продуманной программой новоевропейского типа. В другом случае был политически пассивный коллектив, опирающийся на религию и ожидающий наступления «нового мира». Две эти системы взглядов находились на разных полюсах. Один полюс можно назвать рациональным модерновым, опирающимся на идеи эпохи Просвещения. Другой полюс можно назвать иррациональным, опирающимся на традиционные идеи, уходящие своими корнями в Средневековье. Однако эти типы протестных настроений имели общую мировоззренческую основу. Этой основой являлась сумма взглядов, выраженная через понятие *правды*. Мировоззрение как декабристов, так и крестьян обнаруживает свою зависимость от идеи наступления божественного порядка на земле. Правда была идеалом, как задававшим критерий оценки существующей социальной реальности, так и определявшим конечную цель действий.

Ключевые слова: протест, декабристы, крестьяне, правда, мировоззрение

В первой половине XIX века в русском обществе был поставлен вопрос о том, что реформы Петра I и других русских правителей привели к драматическому расколу страны на «верхи» и «низы», «элиту» и «народ». Такое представление о специфике российской социальной реальности было воспринято и исторической наукой. Более того, в новейшей историографии существует точка зрения, что в России мы имеем не просто культурный раскол в рамках одного народа, а «внутреннюю колонизацию», при которой отношение русской «элиты» к русскому же «народу» ничем не отличалось от отношения британских колонизаторов к местному населению в Индии [15]. Тем не менее были моменты, которые объединяли «верхи» и «низы». Первый такой момент – церковь и религиозность в целом. В России церковь не была отделена от государства, человек не мог существовать как самостоятельная социально-правовая единица без принадлежности к той или иной конфессии, определяемой традицией. Это требовало усвоения индивидом основ религии, без которых нормальная социализация была невозможна. Вторым моментом, объединявшим определенную часть «верхов» и «низов», был протест против существующего социального порядка. Конечно, он не охватывал все социальное пространство, но был тем не менее заметен в историческом масштабе. На уровне «верхов» он был представлен движением декабристов, на уровне «низов» – крестьянским протестом против «господ». Протест тех и других был серьезным фактором русской истории, оказывая влияние на ход исторических событий.

Целью данной статьи является выявление тех преставлений о мире, которые лежали в основе протеста дворян-декабристов и крестьян-«бунтовщиков», придавая ему сокровенный смысл. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что при всем различии культур в основе протеста этих групп дворян и крестьян могли лежать религиозные представления о мире. Это было обусловлено тем, что религия, являясь важной частью жизни дореволюционной России, определяла глубинный

© Каменев Е. В., Егоров А. К., 2018

уровень представлений о жизни, влияя в том числе и на протестные настроения.

Известно, что система взглядов декабристов включала в себя антимонархические идеи. Критическое отношение к императору в зависимости от конкретного идеолога и от конкретного периода развития декабристского движения было выражено по-разному – от идеи физической ликвидации царя[1] до сохранения монарха у власти с известным ограничением его полномочий.

Рассмотрим логику, следуя которой декабристы пришли к выводу об изменении формы правления в стране. Декабристы выделяют два типа власти: власть законная и власть, не опирающаяся на закон. Власть получает название «законная» в том случае, если она стремится к достижению благоденствия в государстве и не ставит собственное благо выше блага общего. Такой тип власти декабристы характеризуют положительно. А. Н. Муравьев писал:

> …истинный дворянин, прямой боярин, защитник законов и престола тот, который постигает, что правительство – власть законная; что она блюдет о спокойствии и пре[у]спеянии государства, о благоденствии и благополучии народа[2].

О *благе общем* как о цели правительства говорится в Уставе «Союза Благоденствия»:

> Правительства сии и законы бывают многоразличны, но всякое вообще, какое бы оно ни было, имеет или должно иметь целию (ежели оно справедливо) благо управляемых[3].

Рассуждая об эпохе дворцовых переворотов, А. В. Поджио писал:

> Были даже цареубийства! Убивают Петра! Он немец, говорят, а нам давай немку! Он дает некоторые льготы дворянству, народу; он прекращает безрассудную, разорительную войну с Пруссией; издает некоторые указы, поощрившие промышленность, торговлю… бейте, душите его!.. Орлов, Барятинский, Теплов и Пассек!!! Вы извели законного царя[4].

Приведенная выше цитата важна для нас постольку, поскольку позволяет говорить, какая власть соответствует понятию закон, так как автор перечисляет деяния Петра III, которые дают возможность декабристу в заключение своего высказывания назвать его «законным царем». А. В. Поджио употребил прилагательное *законный* к существительному *царь* применительно к Петру III потому, что политика последнего соответствовала представлениям декабристов о путях достижения общественного благоденствия.

Наряду с таким типом власти декабристы выделяют власть, характеризуемую словами *зловластие, самовластие, произвол, прихоть личная*. Все эти понятия противопоставлялись декабристами понятию *закон*. Павел Пестель, к примеру, разграничивает понятия *закон* и *прихоть личная*. По мнению декабриста, государство должно находиться под «властью и управлением законов», а не «прихотей личных властителей»[5]. Согласно Н. И. Тургеневу, законный порядок противостоит произволу и самоуправству. Говоря о положении крестьян в России, декабрист писал:

> Для введения хотя некоторого законного порядка в сем хаосе произвола и самоуправства, может быть, весьма нужно было бы учредить сельские суды[6].

Власть, не ограниченная законом, характеризуется декабристами отрицательно. Например, по мнению А. В. Поджио, своевластие Николая I было «смертельным гнетом»:

> Власть при Александре, хотя и была дремлющая, но при Николае она сделалась притеснительною, и, достигши до высшей степени своевластия, она тяжко и непробудно залегла смертельным гнетом на все мыслящее в России[7].

Понятие *закон* неслучайно было важно для декабристов и определяло отношение к власти. Не стоит думать, что закон понимался ими исключительно в светском смысле этого слова. Это понятие имело серьезную религиозную составляющую. В основе всего мироздания, согласно представлениям декабристов, лежат установленные творцом законы, так как «Творцу случайность неприлична»[8]. Эти установленные свыше законы назывались декабристами правдой[9]. Так, например, для А. Н. Муравьева вполне естественна ассоциация понятий *закон божий* и *правда*:

> …я желаю, чтобы отношения владеющих и подвластных совершенно были определены справедливым, непременным, постоянным законоположением, основанным на законе божием, следовательно, *на сущей правде* (курсив наш. – *А. Е., Е. К.*), законоположением, которым Россия возводилась бы на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена[10].

Идея правды являлась составной частью представлений декабристов о политической и социальной реальности[11]. В соответствии с божественными законами, согласно взглядам членов тайных обществ, на земле должно установиться «всеобщее благоденствие»: «…видимая для нас цель Творца при создании существ, как физических, так и нравственных, *есть общее сохранение и благо*»[12]. Для этого все живые существа должны жить в соответствии с «предначертанными Творцом законами»[13]. Физические существа[14], «не имея собственной воли, не могут нарушить предначертанных творцом законов, отчего все действия оных справедливы»[15], то есть соответствуют правде.

Существа же нравственные, «соединяясь в общество и имея в своих поступках волю, при непрестанном стремлении к собственному благу часто нарушают благо других»[16], что нарушает божественный порядок. Идея *правды* заключается, таким образом, в приоритете *блага общего* (то есть блага всех людей в государстве) над благом частным (то есть благом отдельного человека).

Если же этот принцип нарушен, то в государстве восторжествует неправда:

> Неужели, – писал декабрист Н. И. Тургенев, – суждено мне преступить за гробовую доску, не видав правды, свободы в моем Отечестве! <…> Повсеместные признаки несправедливости, своевольства суть укоризны небу. Такое торжество порока над добродетелью и неправды над правдою ужасно до гадости, и даже до смеха, или шутовства[17].

Важно отметить, что декабрист противопоставляет правду своеволию. Торжество же своеволия нарушает принцип приоритета общего блага над частным.

В дворянской культуре интересующего нас времени считалось, что за правду не только можно, но и нужно бороться. Идея достижения правды, мыслимой как приоритет блага общего над благом частным, позволяющий обеспечить божественный порядок на земле, была связана с идеей патриотизма.

Человек, служащий общественному благу, имел в рассматриваемое время наименование *сын отечества*, которое употреблялось в дворянской среде наравне со словом *патриот*[18]. Понятие *сын отечества* было тесно связано с идеей самопожертвования ради отечества, с необходимостью, если надо, отказаться от своих личных интересов, с приоритетом блага общего над благом личным, то есть с идеей наступления мира правды. К примеру, еще А. Н. Радищев в 1789 году отмечал, что сын отечества не страшится «пожертвовать жизнию, естъли же она нужна для Отечества», он «всем жертвует для блага онаго»[19]. Эти идеи были закреплены в русской интеллектуальной культуре. В частности, в «Русском вестнике» (1812) читаем:

> Наемник, оценяющий служение свое златом, алчет злата и корысти; сын Отечества, за целостность его неся жизнь свою, желает только спасения и блага общего[20].

Подобные примеры не единичны и их можно было бы продолжить. Напротив, человек, не служащий общему благу, не признается сыном отечества. Так, например, тот же А. Н. Радищев утверждал, что не может называться сыном отечества дворянин, ведущий праздный образ жизни:

> Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все домы для безсмышленнейшаго пустаглаголания… сей ли есть сын Отечества?[21]

Принцип служения благу общему требовал от каждого патриота готовности принести в жертву благо личное (то есть отказаться от собственных интересов ради общих).

> Я никогда ничего не желал себе, а принадлежу благу общему и всегда готов запечатлеть любовь мою к государству последней каплей крови моей,

– говорил декабрист П. Г. Каховский[22].

Стремление быть полезным своему отечеству являлось той призмой, сквозь которую декабрист воспринимал окружающую его социально-политическую реальность в целом и царя в частности. Даже абсолютная монархия как таковая не противоречит идее общественного благоденствия и установлению правды на земле. Поэтому самодержавие в рамках декабристского мировоззрения может быть вполне законным. Следуя логике декабристов, если император прилагает усилия в деле достижения общественного благоденствия и не ставит личное благо выше блага общего (то есть правит по правде), то он является законным и, следовательно, расценивается положительно. Например, самодержавное правление получает у С. П. Трубецкого определение *законное*, в то время как директория, введение которой предполагалось Пестелем, называется *самовольным деспотизмом*:

> Он (Пестель. – *А. Е., Е. К.*) увидел, что я его подозреваю в личных видах, когда я ему стал доказывать, что он вместо законного самодержавного правления поставляет самовольный деспотизм директоров[23].

Декабрист Н. В. Басаргин признавался, что мог бы согласиться при определенных условиях с идеей абсолютной монархии:

> Не переставая смотреть теми же глазами на все, что было худо, негодовать на злоупотребления, я нередко спрашивал себя, будет ли лучше, если общество достигнет своей цели, и поймет ли Россия выгоды представительного правления? Я сознавался внутренне, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло инициативу и шло вперед, не задерживая, а поощряя успехи просвещения и гражданственности. *Тогда бы я первый стал под хоругвь самодержавия* (курсив наш. – *А. Е., Е. К.*)[24].

Первоначально декабристы не видели ничего плохого в самодержавии и даже были готовы содействовать императору, видя в нем подлинного сына своего отечества. В этом смысле показательно свидетельство С. П. Трубецкого, который рассматривал русское офицерство, давшее начало оппозиционному движению, в качестве дружины при царе: «Некоторые молодые люди, бывшие за отечество и царя на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего на поприще мира». В Уставе Союза Благоденствия говорится о том, что, поскольку правительство «устремлено к *пользе общей*», Союз

> в святую себе вменяет обязанность <…> *споспешествовать правительству* (курсив наш. – *А. Е., Е. К.*) к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена[25].

Пока император воспринимался как сын отечества, которому можно и нужно содействовать, декабристы усматривали в позитивной работе на местах способ искоренения неправды. «Союз Благоденствия» был, в частности, призван организовать такую работу. Согласно уставу, члены Союза «заводят вольные общества, имеющие все целию стремление к справедливому и подавление порока и неправды»[26].

Однако постепенно в декабристской среде утвердилась мысль, что ключевая фигура всей политической системы – император – ищет личного блага, а не блага общего, чем нарушает предписанный свыше порядок вещей. Император стал пониматься как основа всей неправды в государстве. После наполеоновских войн Александр стал заниматься главным образом внешнеполитическими проблемами – устройством послевоенной Европы ради получения личной славы. На внутриполитические дела Александр обращал меньше внимания, что противоречило правде. Эта смена политических интересов императора воспринималась офицерами негативно. А. В. Поджио писал:

Мыслим ли был Александр таковым, как мы видели его впоследствии? Мирный, кроткий, почти юноша, чуждый порывам честолюбия или власти (все это было за ним), вдруг превращается в какого-то несозревшего воина и ищет славных приключений… Он бросил Россию ради идеи устроения Европы[27].

А. Е. Розен вспоминал:

Александр I в последнее десятилетие своего царствования свалил все бремя государственного управления на плечи Аракчеева <…> и под конец предался мистицизму и думал только о спасении собственной души своей[28].

А. М. Муравьев считал, что Александр I, «забыв совсем свой долг перед Россией», передал правление страной Аракчееву[29]. Кроме того, Александр I, обратив основное внимание на европейские дела, не прислушивался к декабристам, которые хотели ему «споспешествовать». В этом смысле весьма показательно свидетельство С. П. Трубецкого. Сомнения в том, что Александр «ищет больше своей личной славы, нежели блага подданных», возникли после того, как император отверг некоторые предложения по преобразованию страны, переданные ему А. Н. Муравьевым[30]:

Его величество, прочтя, сказал: «Дурак! не в свое дело вмешался». Такие действия государя казались обществу не согласующимися с тою любовию к народу и желанием устроить его благоденствие, которое оно в нем предполагало[31].

С. П. Трубецкому вторит М. А. Фонвизин:

Пока осмысленные русские патриоты, – писал декабрист, – могли еще ожидать от самого Александра благодетельных преобразований, которые, ограничив его самовластие, сколько-нибудь улучшили бы состояние народа, они готовы были усердно содействовать его благим намерениям, но когда они убедились в совершенном изменении его прежнего свободолюбивого образа мыслей после войны <…> то самые восторженные почитатели его в блистательную эпоху занятия Парижа совершенно охладели к нему[32].

Как только декабристы пришли к выводу, что власть царя не способствует достижению правды, начался поиск выхода из сложившегося положения. Этот поиск завершился формированием идеи ликвидации абсолютизма и установления такой формы правления, которая бы позволила избежать своевластия как источника беззакония и неправды.

Как и дворяне, русские крестьяне также воспринимали социальную реальность через призму правды, однако содержание и механизмы ее реализации в рамках крестьянского протеста имели серьезные отличия от дворянского понимания. Идеал правды в народном сознании в известной мере совпадает с идеей Царства Божия на земле, установления которого народное сознание желает, не удовлетворяясь обещаниями официальной церкви, согласно которым оно наступит только после второго пришествия Христа [5: 17]. С народной точки зрения, в настоящий момент правды на земле нет, на земле царствует кривда. Согласно апокрифу «Беседа трех святителей», народному эквиваленту Библии, кривда изгнала с земли правду. Вот как это выглядело:

Белый щит – свет сей, а на нем сидит сокол, то есть правда, а прилетела зла сова, то есть кривда, и отогнала правду, а лжа – кривда, осталась [13: 79]. Кривда пошла по земле и вынудила человека голодом и насилием «дать на себя рукописание» [5: 16].

Кривда в ее социальной версии есть крепостное право, притеснения помещиков.

Понятие *правда* совпадало в крестьянском сознании с понятием *воля*, поскольку последнее также отсылает к идеальному совершенному миропорядку, миру, где есть добрый царь и в котором нет «господ». Понятие *воля* употреблялось крестьянами в источниках чаще, однако это неудивительно, поскольку оно имеет более выраженную социально-политическую и, шире, «земную» окраску.

Правда в народном сознании означает, с одной стороны, переход всей земли в руки тех, кто ее обрабатывает, с другой – организацию жизни на началах «примитивного демократизма». «Политическим» воплощением правды оказывается «мужицкий царь», защищающий народные интересы [2: 15–16]. Более того, согласно народным представлениям, только царь и может установить такое царство справедливости [11: 43]. Слухи, регистрируемые в России в первой половине XIX века, позволяют уточнить как роль царя в приобретении правды, так и способы этого приобретения. Согласно этим слухам, царь хочет дать народу «волю», то есть создать справедливый миропорядок правды, однако ему всячески мешают «господа» – дворяне. После смерти Александра I в народе говорили:

Худо становится на свете: господа хотят извести царскую фамилию, чтобы и звания не было[33]. Времена

худые! Недолго жить на свете – хотят лишить царей их воли и их силы; не государь царствует, а большие господа[34].

Примерно в то же время в России ходили слухи о том, что господа гнались за Александром I с целью его убить. Среди населения ходили и слухи о том, что «царь Александр I не умер, а жив, но лишен возможности действовать: "продан в иноземную неволю" или бежал "за море" в легкой шлюпке»[35]. В своеобразном ключе толковалось и восшествие на престол императора Николая I: «Сенаторы "избрали Николая Павловича и возвели его на престол, когда поняли, что его брат хочет освободить крестьян"»[36]. А в 1843 году в Каргопольском уезде Олонецкой губернии ходил такой рассказ:

> Министры договорились между собой взять на себя непосредственное управление государственными крестьянами; они явились во дворец и потребовали от царя исполнения этой меры, царь не согласился; тогда министры схватили его за грудь, но наследник цесаревич услышал шум, вбежал с обнаженной саблей и освободил государя и родителя [14: 208].

Итак, наступление «воли» увязывается народом с усилиями царя, при этом совершенно необязательно, чтобы это был «официальный царь», поскольку, в полном соответствии с легендами о «спасшемся избавителе», «настоящий царь» может до поры до времени где-то скрываться от «господ».

Почему до поры до времени царь не может справиться с «господами» и они угрожают ему? Ответ крестьяне находят в том, что «господа» есть слуги не Бога и царя, а слуги Антихриста. Они «изменили» ему в пользу дьявола. Известно даже число этих «дьявольских полчищ господ», по одной легенде, их насчитывается 60 000[37]. Дело крестьян – помочь царю в борьбе с этой «нечистой силой». А поскольку сила – «нечистая», «господа» приобретают не только социальный, но «потусторонний» статус, крестьяне оформляют борьбу с ними как религиозный акт, как священную войну с силами зла, с Антихристом, стремящимся подчинить себе людей, стать главным господином. В роли «избавителя» мог выступить и член правящей династии, и даже «мессия» со стороны. И в этих сюжетах отчетливо проявляются эсхатологические представления, при этом наступление справедливого порядка сопровождается уничтожением всех «господ». В 1826 году в народе говорили, что «господа» будут владеть ими только 6 месяцев (время чтения манифеста от 12 мая 1826 года)[38], а потом крестьяне и дворовые будут «вольные» – «стало быть, все мы будем царские и будет нам воля». При этом по поводу приговора и наказания, определенного декабристам, крестьяне говорили в связи с ожидаемой «волей» следующее:

> Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ли, коротко ли, и не миновать этого[39].

М. А. Рахматуллин ввел в научный оборот письмо Дениса Давыдова Д. В. Голицыну от 25 октября 1830 года, в котором Давыдов пишет, что в народе ходят слухи «об истреблении всего дворянства, всех собственников и всех управляющих» [10: 130]. В Тульской губернии в ноябре 1830 года циркулировал слух, что крестьяне «скоро отойдут от помещиков на государя» и «казаки присланы будут предать смерти всех владельцев» [10: 130]. В 1839 году слухи о предстоящей «воле» по случаю бракосочетания великой княжны Марии Николаевны, старшей дочери царя, сочетались со слухами о казни дворян[40].

Особенно отчетливо эсхатологический мотив проявляется в легенде о Константине, подробно рассмотренной К. В. Чистовым. Согласно этой легенде, Константин вернется и истребит всех «господ». В 1843 году в Оренбургской губернии крестьянин Иван Клюкин уверял людей в истинности великого князя Константина и призвал встать на его сторону, «обещая, что по истреблении начальников жизнь будет самая лучшая, без всякой заботы». Он говорил, что Константин придет с войском к 15 мая и истребит все начальство и тех из крестьян, которые не участвовали в беспорядках в 1843 году (очевидно, имеются в виду картофельные бунты 1842–1843 годов на Урале. – *А. Е., Е. К.*) [14: 216]. По нашему мнению, Клюкин выразил один из вариантов наступления правды – «самой лучшей жизни»; согласно ему, установит это царство Божие на земле Константин, который в данной легенде играет роль самого Иисуса Христа. Иначе говоря, как и в случае с истреблением «господ», на социальную реальность переносится религиозный сюжет, тем более что Константин еще более похож на Спасителя, чем правящий царь, ибо Константин (имеется в виду здесь, конечно, Константин Павлович. – *А. Е., Е. К.*) как бы погиб, но вернулся – то есть повторил своей судьбой библейский сценарий. Он будет судить как «нечистую силу» в лице «господ», так и их пособников – крестьян, согласившихся сажать «порождение дьявола» – картофель и тем самым ставших прислужниками «дьявола».

Другой важной фигурой в народных представлениях выступает великий князь Михаил. Он фигурирует в слухах разных лет как союзник царя и крестьян в деле обретения «воли». В частности, великий князь Михаил Павлович упоминается во время волнения крестьян Н. С. Гагарина в Ярославской губернии в 1826 году[41]. Великий князь Михаил Николаевич появляется в Ирбитском уезде Пермской губернии в лице

самозванца Тяжелкова [6: 99]. При этом в обоих случаях упоминается и великий князь Константин, в первом случае он, с точки зрения крестьян, «стоит за них»[42], в другом – самозванец пишет прошение на имя великого князя Константина Николаевича [6: 99]. По нашему мнению, представление о Михаиле как «избавителе» есть проявление эсхатологического сюжета, в центре внимания которого – библейский князь Михаил. Гагаринские крестьяне находились в состоянии ожидания «воли», которая, как мы показали, воспринималась ими как пришествие или его аналог. Иначе говоря, крестьяне живут при «последних временах». А ключевую роль в «последних временах», согласно «Откровению» Мефодия Патарского, играет царь Михаил, который сокрушает злой народ «измаильтян [16: 322]. Кроме того, крестьянские представления можно увязать с ветхозаветным сюжетом о князе Михаиле, который придет покарать «неверных» в конце времен[43]. Михаил как бы подготавливает второе пришествие, которое в нашей ситуации должны осуществить царь или Константин. Иначе говоря, точно так же, как библейский царь Михаил есть слуга бога в деле спасения человечества, великий князь Михаил есть слуга царя и/или Константина в деле освобождения русского народа. Свержение «бояр» при этом есть сакральный акт. Так, самозванец Тяжелков на сломанной ветром крыше оградного «столпа» у господского дома сделал надпись: «Вершина башни сей сломана от ветра, владельцы будут свершены <…> Богом» [6: 99].

Другое дело, что народ мог разочароваться в царе или Константине как реальном правителе, и тогда на первый план выходит свой, народный, герой, который выполнит роль мессии. В отчете III Отделения за 1827 год отмечено, что

> среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их»[44].

Отчеты III Отделения показывают, что религиозный компонент в оценке народом социально-политической реальности играл немаловажную роль. Так, в нравственно-политическом отчете за 1839 год было отмечено, что в народе при оценке сложившейся ситуации в стране «подводят тексты из Священного писания и предсказания по толкованиям Библии, предвещают освобождение крестьянам, месть боярам, которых сравнивали с Аманом и Фараоном»[45]. А в отчете III Отделения за 1848 год было отмечено, что «русские воспринимали противодействие власти царя равным святотатству»[46].

Русские крестьяне, говоря об изменении существующего социального порядка, мыслили не в новоевропейских категориях «реформа» или «революция», которые осуществлялись активно действующими субъектами по определенному плану на основе легальных и рациональных принципов. Напротив, крестьяне переносили на социальную реальность религиозные представления, в частности, идею эсхатологического крушения царства зла и установления вечного божественного мира. Важную роль в этом процессе играли насилие и связанное с ним страдание. Роль крестьян в борьбе за справедливый мир могла быть откровенно пассивной, выражаясь в страдании. Крестьяне даже отождествляли свои страдания в борьбе за «правое дело» с муками Христа. Так, во время волнения государственных крестьян Аксентовской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии в 1842 году бунтующие на слова губернатора о том, что поверенных, отправленных к царю, приведут закованных, закричали: «Слава тебе господи, и Христос страдал безвинно»[47]. Когда губернатор пригрозил крестьянам наказанием, они закричали: «Распинайте, распинайте!»[48]

Аналогичные события происходили во время волнения крестьян М. Н. Доломанова в Калужской губернии. Крестьяне при наказании сами разделись, говоря: «Спаситель терпел за правду еще более»[49]. При экзекуции крестьяне «не издали ни звука»[50].

Мотив страдания отчетливо проявляется в представлениях народа о приобретении «воли», и он имеет, очевидно, эсхатологическую природу. Точно так же как второе пришествие, то есть наступление нового мира в религиозной перспективе, должно было сопровождаться катаклизмами и войнами, так и наступление нового социального мира должно было сопровождаться различными испытаниями и людскими страданиями. Руководитель восстания в Бездне Антон Петров говорил крестьянам в 1861 году: «Истинная воля до тех пор не дается, пока не прольется много крови христианской».

Очевидным и конкретным вариантом испытаний и пролития крови была война. Так, в 1861 году в народе ходили такие слухи: «Да ребята все толкуют, что скоро будет вольница, и опять война с ангричанином (так в тексте. – *А. Е., Е. К.*)[51]».

Интересно, что во время очередного ожидания «воли» в Оренбургской губернии в 1836 году ее наступление также связывалось с войной:

> Скоро все будут вольные, с открытием весны для объясненного предмета начнется уже и война. С открытием весны начнется какая-то война и чрез оную все будут вольны [9: 141].

Нужно иметь в виду, что война – это один из самых существенных признаков наступления последних времен с точки зрения народной эсхатологии[52]. Наступление «воли» есть рубеж в истории, и этому рубежу, с народной точки зрения, должна соответствовать «последняя» война.

Анализ мировоззренческой основы русского протеста показал, что, несмотря на наличие существенных различий в теории и практике протеста, недовольство интересующих нас групп имело точку пересечения. Ею являлась сумма взглядов, выраженная через понятие правды, которое воспринималось как установленный свыше порядок, в соответствии с которым должно развиваться государство и благодаря которому наступит справедливый мир.

Идея борьбы за правду являлась отправной системообразующей точкой развития протестных настроений у рассмотренных нами социальных групп. Однако в конечном итоге она привела к формированию двух разных типов протестных настроений. В одном случае она претерпела трансформации, будучи наложенной на секулярное сознание декабристов, и выразилась в активной деятельности преобразующего социальную и политическую реальность субъекта, который добивается искоренения неправды ради наступления общественного благоденствия, руководствуясь патриотическими чувствами спасения Отечества. При этом ключевая фигура российского политического пространства – император – полностью исключалась из процесса достижения правды на земле и даже начинала рассматриваться как основная помеха для утверждения справедливого миропорядка. В другом случае идея правды реализовывалась в контексте традиционного христианского мировоззрения крестьян и выражалась в коллективном ожидании наступления нового справедливого мира, реализация которого мыслилась как результат усилий царя при помощи народа. Помощь при этом понималась как протест против неправды, олицетворяемой «господами».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Идея цареубийства была сформулирована декабристами в 1817 году. Александр Муравьев предложил для «отвращения бедствий, угрожающих России <…> прекратить царствование императора Александра» и хотел бросить жребий, «чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю» (Якушкин И. Д. Записки // Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 16–17). Согласно мнению С. В. Мироненко, М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана, вопрос о физическом устранении для участников тайных обществ никогда не был принципиальным и решение убить императора было столь же быстро оставлено, сколь быстро и неожиданно возникло [7], [8]. Однако, несмотря на это, само появление идеи цареубийства весьма примечательно.

[2] Муравьев А. Н. Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреля 4-го дня 1818 года, древнему российскому дворянину, старцу, служившему в войске и суде, верноподданному государя, от россиянина // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 130.

[3] Законоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 240.

[4] Поджио А. В. Записки // Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 111.

[5] Пестель П. И. Русская правда // Восстание декабристов: Документы. М., 1958. Т. VII. С. 117.

[6] Тургенев Н. И. Нечто о крепостном состоянии в России // Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 гг. Пг., 1923. Т. III. С. 428.

[7] Поджио А. В. Указ. соч. С. 72.

[8] Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I. С. 239.

[9] В традиционной христианской культуре правда понимается как божественная справедливость, божественно установленный порядок на земле. Это понятие выражает повиновение, долженствование по отношению к Богу и людям; то, что соответствует божественной идее устройства общества [4: 63].

[10] Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 136.

[11] В историографии уже отражена вся сложность процесса адаптации европейских идей в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Западные политические принципы, закрепленные в соответствующей системе понятий (государство, собственность, гражданин, революция и т. п.), были скорректированы русской действительностью [12]. На наш взгляд, этот процесс осложнялся еще и тем, что существенную роль в ментальности образованной части русского общества продолжала играть старая традиционная, восходящая еще к средневековью понятийная система. В частности, понятие *правда*, которое мы рассматриваем в настоящей статье, восходит к русской средневековой культуре [3], [16].

[12] Законоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 239.

[13] Там же.

[14] Устав Союза Благоденствия различает «физических существ» (животных) и «нравственных существ» (людей).

[15] Законоположение Союза благоденствия… С. 239.

[16] Там же. С. 240.

[17] Тургенев Н. И. Дневники // Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 гг. Пг., 1923. Т. III. С. 235.

[18] Слово заимствовано в начале XVIII в. предположительно из французского (patriote) или немецкого (Patriot) языка. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 217. По мнению Л. Н. Вдовиной, оно было впервые употреблено в 1717 году П. П. Шафировым в сочинении «Рассуждение о причинах Свейской войны» [1: 11].

[19] Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын Отечества // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 217, 218.
[20] Обеты русских воинов // Русский вестник. 1812. С. 14.
[21] Радищев А. Н. Указ. соч. С. 216–217.
[22] Каховский П. Г. Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I. С. 509.
[23] Трубецкой С. П. Записка-показание об истории тайных обществ // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С. 91
[24] Басаргин Н. В. Записки // Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 62–63.
[25] Законоположение Союза Благоденствия… С. 241–242.
[26] Там же. С. 274.
[27] Поджио А. В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 250–251.
[28] Розен А. Е. Записки декабриста // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 145.
[29] Записки А. М. Муравьева. «Мой журнал» // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 124.
[30] Отметим, что сам факт передачи императору бумаги с предложениями по преобразованию страны свидетельствует о том, что офицеры воспринимали себя как людей, помогающих монарху в деле управления государством.
[31] Трубецкой С. П. Из «записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. С. 358.
[32] Фонвизин М. А. Из «записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. С. 372.
[33] Сыроечковский Б. Московские слухи 1825–1826 гг. // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3 (112). С. 66.
[34] Там же. С. 74.
[35] Там же. С. 80.
[36] Там же. С. 82.
[37] Там же. С. 80.
[38] Очевидно, здесь имеется в виду манифест Николая I от 12 мая 1826 года, в котором объявлялись ложными слухи о грядущей «воле» // ПСЗ – II. Т. 1. № 330.
[39] Модзалевский Б. Л. Донесение тайного агента о настроениях умов в Петербурге после казни декабристов // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 40.
[40] Нравственно-политический отчет за 1839 год // Свободная мысль. 2002. № 8. С. 106.
[41] Трефолев Л. Н. Плещеевский бунт (эпизод из истории крестьянских волнений) // Древняя и новая Россия. 1877. № 10. С. 164.
[42] Там же. С. 166.
[43] Книга пророка Даниила. 12:1.
[44] Краткий обзор общественного мнения за 1827 год // Крестьянское движение в 1827–1869 гг. М., 1931. Вып. 1. С. 9.
[45] Нравственно-политический отчет за 1839 год // СМ. 2002. № 8. С. 105. Аман, упомянутый в Библии (книга «Есфирь»), – придворный персидского царя, задумавший, из вражды к своему сопернику, еврею Мардохею, погубить всех евреев в Персии. Из фараонов имеется в виду, очевидно, тот, который, по библейскому преданию, вынудил евреев своими преследованиями выселиться из Египта (книга «Исход»).
[46] Нравственно-политический отчет за 1848 год // СМ. 2003. № 4. С. 120.
[47] Крестьянское движение в 1826–1849 гг. М., 1961. С. 452.
[48] Там же.
[49] Крестьянское движение в 1857 – мае 1861 года. М., 1963. С. 237.
[50] Там же.
[51] ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3а. Д. 1898. Л. 16.
[52] «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004. С. 408.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вдовина Л. Н. Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Вестник Московского университета. 1993. Сер. 8. История. № 5. С. 6–12.
2. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М.: Наука, 1984. 252 с.
3. Данилевский И. Н., Юрганов А. Л. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 144–170.
4. Знаков В. В., Романова И. А. «Истина» и «правда» в христианстве и психологии понимания // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6. Т. 19. С. 61–71.
5. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
6. Миненко Н. А. «Великий князь» Данило Петров сын Тяжелков: феномен самозванства и социальная психология уральского крестьянства в начале реализации реформы 1861 года // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 94–112.
7. Мироненко С. В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 239–250.
8. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Декабристы и террористический тезаурус // Литературное обозрение. 1996. № 1. С. 65–80.
9. Побережников И. В. Слухи как фактор социальных конфликтов на Урале в первой половине XIX века // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 139–152.
10. Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М.: Наука, 1990. 300 с.
11. Суздальцева В. Н. Образ власти в пословицах и поговорках русского народа (когнитивно-семантический аспект) // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 3. С. 31–47.

12. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.
13. Федотов Г. П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, 1991. 185 с.
14. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 311 с.
15. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
16. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Egorov A. K., Petrozavodsk Technical School of Municipal Economy
(Petrozavodsk, Russian Federation)

THE WORLDVIEW FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN PROTEST OF THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

The article is concerned with the worldview foundations of political protests in Russia in the first half of the 19th century. Two social groups of different social strata characteristic of Russia, the Decembrist noblemen and the rioting peasants, are considered. The choice is based on the fact that these two groups were united by a high level of protest moods. The analysis of the worldview foundation of the Russian protests revealed the presence of two fundamentally different protest moods inherent to Decembrist noblemen and rioting peasants. In one case, an active subject transformed surrounding political reality. This subject in his actions was guided by a well-considered program of the New European type. The other group consisted of the politically passive group of people whose views were based on religious beliefs. They looked forward to the coming of the "new world". These two systems of views were diametrically antipodal. One of these poles, based on the ideas of the Enlightenment, could be called rationally modern. The other pole, based on the traditional ideas dating back to the Middle Ages, could be called irrational. However, these two types of protest moods had a common worldview foundation. This foundation consisted of the views expressed through the concept of truth. The world view of both the Decembrist noblemen and peasants reveals their dependence on the idea of the coming of divine order on the Earth. The truth was the ideal that both defined the criterion for the existing social reality assessment and determined the ultimate goal of actions.

Key words: protest, the Decembrists, peasants, the concept of truth, worldview

REFERENCES

1. Vdovina L. N. What is "we"? (Russian national identity in the context of history from the Middle Ages to the New Times). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1993. Ser. 8. History. No 5. P. 6–12. (In Russ.)
2. Gratsianskiy P. S. Russian political and legal thought in the second half of the 18th century. Moscow, 1984. 252 p. (In Russ.)
3. Danilevskiy I. N., Yurganov A. L. "Truth" and "Faith" of the Russian Middle Ages. *Odissey. Chelovek v istorii. 1997*. Moscow, 1998. P. 144–170. (In Russ.)
4. Znakov V. V., Romanova I. A. "Verity" and "Truth" in Christianity and Psychology of Understanding. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 1998. Vol. 19. No 6. P. 61–71. (In Russ.)
5. Klibanov A. I. Popular social utopia in Russia. Feudal period. Moscow, 1977. 335 p. (In Russ.)
6. Minenko N. A. "Grand Duke" Danilo Petrov son of Tyazhelkov: the phenomenon of imposture and social psychology of the Ural peasantry at the beginning of the implementation of the reform of 1861. *Sotsial'no-politicheskie instituty provintsial'noy Rossii (XVI – nachalo XX vekov)*. Chelyabinsk, 1993. P. 94–112. (In Russ.)
7. Mironenko S. V. "Moscow conspiracy" in 1817 and the problem of the formation of Decembrist ideology. *Revolutionery i liberaly v Russii*. Moscow,1990. P. 239–250. (In Russ.)
8. Odesskiy M. P., Fel'dman D. M. The Decembrists and the terrorist thesaurus. *Literaturnoe obozrenie*. 1996. No 1. P. 65–80. (In Russ.)
9. Poberezhnikov I. V. Rumors as a factor of social conflicts in the Urals in the first half of the XIX century. *Issledovaniya po istorii knizhnoy i traditsionnoy narodnoy kul'tury Severa.* Syktyvkar, 1997. P. 139–152. (In Russ.)
10. Rahmatullin M. A. Peasant movement in the Great Russian provinces in 1826–1857. Moscow, 1990. 300 p. (In Russ.)
11. Suzdal'tseva V. N. The image of power in Russian popular proverbs and sayings (cognitive-semantic aspect). *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi*. 2005. No 3. P. 31–47. (In Russ.)
12. Timofeev D. V. European ideas in the socio-political lexicon of an educated Russian citizen in the first quarter of the XIX century. Chelyabinsk, 2011. 456 p. (In Russ.)
13. Fedotov G. P. Spiritual verses (Russian popular belief in spiritual verses). Moscow, 1991. 185 p. (In Russ.)
14. Chistov K. V. Russian popular socio-utopian legends of the XVII–XIX centuries. Moscow, 1967. 311 p. (In Russ.)
15. Jetkind A. Inner colonization. Imperial experience of Russia. Moscow, 2013. 448 p. (In Russ.)
16. Yurganov A. L. Categories of Russian Medieval culture. Moscow, 1998. 448 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.04.2018